

Иван Иванович Панаев

Очерки из петербургской жизни

Иван Панаев

Очерки из петербургской жизни

«Public Domain»

1840

Панаев И. И.

Очерки из петербургской жизни / И. И. Панаев — «Public Domain», 1840

««Сытый голодного не разумеет» – прекрасная и очень умная пословица. Справедливость ее подтверждается в жизни на каждом шагу. Я недавно думал об этом, возвращаясь из Галерной гавани...»

Содержание

Галерная гавань	5
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Иван Иванович Панаев

Очерки из петербургской жизни

Галерная гавань

«Сытый голодного не разумеет» – прекрасная и очень умная пословица.

Справедливость ее подтверждается в жизни на каждом шагу. Я недавно думал об этом, возвращаясь из Галерной гавани...

– Что такое это Галерная гавань? – быть может, спросит меня не только иногородный, даже петербургский читатель.

Вы желаете знать, что такое Галерная гавань? Неужели вы никогда не слыхали этого имени, – вы, петербургский житель? Галерная гавань – частичка громадного и великолепного города, в котором вы живете и наслаждаетесь, далеко у взморья, на самом конце Васильевского острова, по соседству со Смоленским кладбищем; ненадежный приют самого бедного петербургского народонаселения, о существовании которого вы только подозреваете – того народонаселения, которое замирает от страха при малейшем возвышении воды и рискует быть потопленным всякий раз, когда в серый осенний день воет ветер, раздастся зловеющий звук пушек, днем развеваются флаги на Адмиралтейской башне, а ночью зажигаются роковые фонари. Вы, живущие в лучшей и возвышенной части Петербурга, окруженные всеми прихотями той утонченной цивилизации, которая с каждым днем развивает для вас неслыханные удобства и роскошь, мало заботитесь об этих фонарях и флагах на Адмиралтействе и только при звуке пушек спрашиваете с любопытством:

– Что это такое? отчего это пальба?

– Вода поднялась выше колец в каналах, – отвечают вам.

– А! – равнодушно восклицаете вы в ту минуту, когда несчастные обитатели Галерной гавани уже перебираются, дрожа от холода, при крике и визге детей, на свои чердаки...

Вот что такое Галерная гавань.

Не все же нам разъезжать с вами, любезный читатель, на торцовой мостовой Невского проспекта и Большой Морской; гулять по Дворцовой набережной; сидеть в креслах или ложах блестящих театральных зал; любоваться хорошенькими личиками и изящными туалетами; не все же нам собирать анекдоты из жизни петербургских камелий; рыскать по магазинам; толковать о том, что такой-то из наших приятелей получил такое-то место, а другой, которого мы даже не имеем чести знать, такой-то чин, крест, такое-то звание, такую-то награду или такое-то повышение; завидовать всем этим лицам втайне и злословить их вьяве; подробно описывать балы, на которых мы с вами приглашены не были; подмечать смешные стороны разных господ и господж, прогуливающих по Невскому проспекту...

Петербург – не на одном Невском проспекте, Морских и набережных. И Галерная гавань – Петербург, и там живут люди, к тому же люди, о которых мы не имеем почти никакого понятия, о которых нам почти никто не говорит и с которыми я хочу слегка познакомить вас...

Итак, читатель, обратимся к Галерной гавани. Теперь же это кстати: осень, серое небо, мелкий дождь, ветер, и вода, кажется, прибывает...

Мы отправимся по Большому проспекту Васильевского острова. Васильевский остров – это особый город в городе, непохожий на остальной Петербург. Он весь в зелени, в садах и в бульварах, как Москва. Аристократическая часть Васильевского острова – это его великолепная набережная, и так называемая Первая линия – его Невский проспект. На одном конце его – Биржа с своим великолепным портиком и монументальными маяками; на другом – Галерная гавань с своими полусгнившими и покрытыми мохом и плесенью домишками; на одном

конце – счастливы, кушающие устрицы в биржевых лавках и запивающие их шампанским; на другом – люди, не имеющие, может быть, и насущного хлеба – контраст, к которому все мы, впрочем, пригляделись и который беспрестанно встречается в жизни не на одном Васильевском острове. Негоцианты, моряки, кадетские офицеры, художники, ученые и самый бедный класс мелкого петербургского чиновничества составляют главное народонаселение Васильевского острова. Здесь, на его хазовом конце, вы встречаете толпы студентов, возвращающихся с лекций; биржевых диктаторов, подкатывающих к бирже на рысаках, моряков с георгиевскими ленточками на черном пальто; профессоров в синих вицмундирах или сюртуках, в очках и без очков; в несколько фантастическом наряде – в каком-нибудь плаще, перекинутом за плечо, в серой шляпе с большими полями, с волосами до плеч, с различными бородками и с портфелями в руках и под мышками – молодых художников, которые все немножко любят корчить Вандиков и Рафаэлей.

Коренные жители Васильевского острова, все, и мужчины и женщины, за исключением разных биржевых тузов (по крайней мере мне так кажется), имеют характер более скромный сравнительно с жителями петербургского материка; в их походке, взгляде, одежде нет того мелочного и заносчивого тщеславия, которое встречаешь и пешком, и верхом, и в экипажах на Морских, на Невском проспекте и на великолепных набережных здешней стороны. Каким-то миром и спокойствием охватывает вас, когда вы углубитесь в линии Васильевского острова, подальше от Биржи и Первой линии. Глядя на эти небольшие, красивые и чистенькие деревянные домики с садами или на эти каменные дома, отделанные с английскою прочностью, тщательностью, красотою и комфортом, с медными дощечками на дверях, блестящими, как золото, – вы невольно полагаете, что в них обитают самый строгий порядок, самая благоразумная расчетливость; что здесь не бросают безумно денег, как у нас в Морской или на Невском; не живут на авось и не ставят последней копейки ребром, чтобы только пустить в глаза пыль своему ближнему.

Эти дома и домики принадлежат по большей части иностранцам, – людям, помаленьку скопившим себе капиталы трудом, знающим цену деньгам, на которые мы, не знающие, что такое труд, и имеющие по несколько сот и тысяч душ, выпадающих нам на долю по наследству, смотрим с небрежением. Город на Васильевском острове имеет, может быть, поэтому что-то свое, особенное, не петербургское; по скромности и наружному порядку он напоминает несколько немецкие города. Здесь нет той славянской размашистости в жизни, которая поражает везде по другой стороне Невы, на материке, за монументальным Николаевским мостом...

Загляните хоть из любопытства или для проверки моих замечаний в трактир г. Гейде. Это заведение не имеет ничего общего ни с баснословно дорогими ресторанами Дюссо, Донона и Бореля, где ухаживают только за лицами известными, кушающими по карте, то есть платящими за обед не менее шести рублей серебром; ни с русскими трактирами, которые более радушно угощают вас скверным маслом, поддельным шампанским и расстроенным органом. Заведение г. Гейде переносит вас совершенно в Германию, в средней руки трактир в немецком городе; здесь умеренный, очень порядочный *table d'hôte* от 2 до 6 часов, по 60 коп., два бильярда, кости и пиво. Это немецкий клуб, пропитанный табачным запахом, всегда полный своими обычными посетителями, которые молчаливо и глубокомысленно пощелкивают бильярдными шарами или костями, покуривая свои сигары и попивая свое пиво... Ни один из посетителей ресторана Гейде – можно пари держать – не издержит более полутора рубля, хотя бы он просидел до полуночи: ни одному из этих господ не придет в голову закричать: «Шампанского!» – и пить без всякого удовольствия теплое и подозрительное вино только для того, чтобы озадачить неизвестного господина, сидящего напротив, как это иногда делается у Дюссо и у Палкина. У Гейде все посетители знакомы друг с другом, и никто не желает озадачивать друг друга...

Чем далее вы углубляетесь по Большому проспекту от Первой линии, тем все тише и спокойнее становится вокруг вас. Вы идете как будто большой аллеей сада, потому что домов

не видать за кустами и деревьями. За 7-й линией появляются уже деревянные мостки вместо плитных тротуаров; экипажи все реже и реже; за 12-й линией вам попадают только извозчи-чьи дрожки и то изредка. Здесь и пешеходов-то немного...

Матрос в холстинном сюртуке, замазанном дегтем, идущий в Галерную гавань, молодой чиновник в форменном пальто с блестящими пуговицами, в фуражке с кокардой и красным околышем, очень довольный, по-видимому, этой полувоенной формой.

Чиновник вдруг останавливается, пораженный, и провожает глазами очень стройную, очень хорошенькую и очень бедно одетую девушку, которая, не обращая внимания, спешит к художнику, которому служит натурщицей. Далее за Финляндскими казармами, вправо, огромное поле с лесом в глубине, из которого выглядывают главы церквей: это Смоленское кладбище. Деревянные мостки с каждым шагом вашим вперед становятся беспокойнее и опаснее; здесь они служат не удобством, а препятствием для пешехода: доски в иных местах вздуло и покособило, в других они сгнили и провалились, обнаружив небольшую пропасть, покрытую грязною плесенью; к тому же у каждого ворот надо прыгать с этих патриархальных тротуаров и потом карабкаться на них, а у иных домов они поднялись больше, чем на аршин. Боясь переломить или вывихнуть себе ногу, вы сходите с них и продолжаете ваш путь по узенькой тропинке между заборами и палисадниками и этими допотопными тротуарами. Навстречу вам почти уж никто не попадает, а если и попадает какой-нибудь обитатель или обитательница Галерной гавани, то они посмотрят на вас с таким удивлением и недоумением, с каким смотрят только разве на выходцев с того света. Впереди вас и уж очень недалеко полосатое бревно шлагбаума, за шлагбаумом взморье и парус лодки, а вправо ряд лачуг, которые тянутся к Смоленскому кладбищу – это-то и есть Галерная гавань, начинающаяся на конце Смоленского поля, или, вернее, болота, и спускающаяся к мутно-серой воде взморья. Вот что-то похожее на улицу перед вами: вы поворачиваете в нее... Неужели в самом деле это улица? С двух сторон ряд небольших деревянных, полусгнивших, одноэтажных домиков, перед которыми торчат одни безобразные остовы, на которых некогда были устроены мостки; а между этими остовами страшная топь, черная грязь и лужи: действительно, это улица. Она то вздувается холмом, то снова спускается в яму. Эти холмы покрыты яркою зеленью, которую пощипывают две грязные и тощие козы. В черной топи против одного домика, почти по середине улицы, стоит невыкрашенная, почерневшая лодка, на которой, может быть, за несколько дней перед этим плавали ее хозяева по этой улице. Домики по большей части в три окна, много в пять; они выкрашены были некогда желтой и серой краской, следы которой еще видны доселе; крыши подернуты зеленым или желтым сухим мохом; у иных домиков вместо забора рогожи, прибитые к палкам, за которыми, когда рогожи распахнутся от ветра, выглянут две или три гряды капусты. Замечательно, что почти все эти домики заклеены красными такого рода надписями: «Сей дом должен быть уничтожен в мае 1854 года», а внизу иногда другая надпись: «Простоять может до 1860 года», или «сей дом может простоять до 1850 года», и, несмотря на это, он еще кое-как стоит до сей минуты, сильно, впрочем, покачнувшись набок. Эти надписи поражают человека, в первый раз зашедшего в Галерную гавань: тяжело становится, глядя на эту заклеенную нищету, на эту шаткую, ненадежную собственность с определенным сроком для существования. Но посмотрите повыше: еще страшнее этих клейм ярлыки почти под крышами, с надписью 7 Ноября 1824 года. Между полусгнившими лачужками, у завалинок которых растут крапива и грибные наросты, попадают нередко и новые домики, выкрашенные яркой краской, с бальзаминами и еранью на окнах и с кисейными занавесками, – аристократические домики, потому что везде есть аристократы, – даже и в Галерной гавани. В самой середине галерную слободу разделяет канал, через который перекинут большой деревянный мост. За мостом улица несколько пошире и потому посуше. Она сплошь поросла травой и в иных местах загромождена телегами, бревнами и досками и кучами хвороста и всякого сора. Эта главная улица, к которой сходятся другие улицы и переулки, выходит на болотистый луг, покрытый бесчисленными кочками, в

конце которого видны, среди тощих и низких кустов, скирды сена, а у самого горизонта лес, примыкающий к лесу Смоленского кладбища... Людей в этой печальной слободе почти не видно: изредка перейдет через улицу от своего разваливающегося дома к мелочной лавочке старушонка в лохмотьях, держа в иссохшей и морщинистой руке молочник с отбитым носком, или услышав шум ваших шагов, высунется из окна девушка целый день не отнимающая головы от срочного шитья, и с любопытством и удивлением посмотрит на вас и задумается: откуда, как и для чего попал сюда незнакомый человек?

Тишина на улице нарушается только криком гусей, размахивающих крыльями и вылетающих из канала на берег, и мычанием коровы, которая, остановившись у ворот, глухо мычит, просясь домой и виляя своим хвостом от нетерпения. Канал, разделяющий гавань пополам, оканчивается большим прудом, берега которого поросли ивовыми кустами, а поверхность покрыта широкими круглыми листьями желтых болотных кувшинчиков. У моста, где канал довольно широк, стоит большая барка без мачт, набитая разным тряпьем и стружками, в которых, очень усердно копаются старуха и девочка... Воздух в Галерной гавани пропитан болотистым, грибным запахом и гнилью. Самый бедный, отдаленный, грязный городок внутри России нельзя сравнить с этою несчастною слободою, которая еле держится на трясине болота. Глядя на эти домишки и улицы, не веришь, что это частичка великолепного Петербурга и что гранитная набережная Невы с ее огромными зданиями только в трех верстах отсюда.

Заметьте вот этот домик в два окна пепельного цвета, с завалинкой наперед, стоящий несколько повыше других на берегу канала и прислонившийся к толстой, расщепившейся и полусгнившей иве. В нем (это было давно) жила старушка, вдова чиновника, с двумя детьми – сыном и дочерью.

Я вам расскажу вкратце историю этого семейства, как она была мне передана человеком, принимавшим участие в этих бедных людях.

Старушку звали Матреной Васильевной, дочь ее – Татьяной, а сына – Петром. Муж старушки служил в каком-то департаменте столоначальником и всякий день из Галерной гавани ходил на службу. Он родился в Гавани, женился и провел в ней всю жизнь, аккуратно и добросовестно исполняя свои служебные обязанности и разделяя все свои интересы между службой и семейством. Способности он имел ограниченные, по натуре был робок, и место столоначальника, полученное им в пятьдесят лет, совершенно удовлетворяло его честолюбие. Начальство было довольно его аккуратностию и усердием и всякий почти год давало ему небольшие денежные награды; товарищи любили его за его честность; жена души в нем не слышала. Требований у них никаких не было, и они не жаловались на свою судьбу; даже частые наводнения их не беспокоили, потому что они привыкли к ним с детства. Всю прислугу их составляла кухарка, женщина, преданная им, служившая еще отцу чиновника, которой сама Матрена Васильевна нередко подмогала. В трех комнатках и в кухне, составлявших весь домик, были удивительный порядок и чистота: нигде ни пылинки и все лоснилось. Матрена Васильевна, всякий раз после чаю провожая своего мужа в должность, сама закутывала его, чистила щеткой его шинель и крестила его, а когда он возвращался со службы, встречала его с такою радостью, как будто не видала несколько месяцев. Детей оба они любили и баловали немного. Так прожили они кротко и тихо более двадцати лет. Дети тем временем подросли; дочь была уж почти невеста, а сын кончил курс в гимназии, когда старик, после наводнения осенью 183* года, провозившись, несмотря на крики и увещания своей жены, по колени в воде несколько часов сряду, простудился, слег в постель и умер. Отчаяние Матрены Васильевны было страшно. С год после смерти его она всякий день, несмотря ни на какую погоду, таскалась на его могилу на Смоленское кладбище, сидя на ней, кивала головой, причитая и восклипывая и, наверно, отправилась бы вслед за ним, если бы ее не поддерживала любовь к детям. Своих домашних обязанностей она, однако, не забывала; несмотря на свое горе, целый день хлопотала и возилась, и когда дочь говорила ей: «Что это, маменька, вы все сами... позвольте, я...» – она перебивала ее: «Нет,

сиди, матушка, за своим шитьем, это не твое дело. Ты и так замучилась». После смерти мужа старушка поневоле взошла в долги, потому что одним пенсионом ей и одной нельзя было прокормиться. Дочь, впрочем, немного поддерживала ее своим рукодельем.

Таня была высокая, стройная и хорошенькая белокурая девушка. Она с детства показывала твердый и решительный характер, который можно было впоследствии особенно заметить в ее взгляде и в умном, несколько грустном выражении ее глубоких серых глаз. У нее рано обнаружились ничем не объяснимые антипатии и симпатии к людям. На четвертом году своего возраста она привела в совершенный ужас своих родителей, назвав одного из самых редких и почетных их гостей, господина в чине статского советника и с крестом на шее, в глаза «противным и гадким» (что, впрочем, действительно было справедливо), и убежала от него с визгом в ту минуту, когда он хотел удостоить ее своею ласкою и протянул уже свою руку, чтобы потрепать ее по щеке; а за два года до этого неприятного события, когда еще ее носили на руках, она, улыбаясь, протянула ручонки приласкавшему ее старику, отставному матросу-конопатчику в белой, замасленной дегтем куртке, из карманов которой торчала пакля, и сейчас с видимым удовольствием пошла к нему на руки. Припоминая эти обстоятельства, их соседка-чиновница, имевшая слабость молодиться, румяниться и закатывать глаза под лоб в разговоре, с молодыми людьми и почему-то считавшая Таню своей соперницей, замечала о ней с презрительной гримасой: «Она еще с детства показывала самые неблагоприятные наклонности. У нее и амбиции никакой нет. Хорошего общества она избегает, а с Тимофеем-конопатчиком по целым дням разговаривает». И это была правда: Таня очень любила конопатчика Тимофея, а конопатчик Тимофей, известный всей Галерной гавани своею суровостью и честностью, обнаруживал постоянно к Тане необыкновенную и странную в таком человеке привязанность и нежность: когда она была ребенком, он строил ей корабли и помогал ей спускать их на воду, возился с ребенком во время отдыха от своей работы по целым часам и впоследствии, когда Таня выросла, часто заходил ко вдове посмотреть на «свою барышню» – так он называл Таню.

Таня рано поняла свое положение: лет с тринадцати она уже сделалась усердной помощницей своей матери и потом не выпускала иголки из рук, так что старушка должна была твердить ей несколько раз в день: «Полно, Танюша, перестань, отдохни немножко.

Уж совсем смерклось. Что ты это глазыньки-то свои портишь?» Даже по большим праздникам и по воскресеньям после обедни, когда ее подруги, в праздничных, раскрахмаленных кисейных платьях, прогуливались по Смоленскому кладбищу, она возвращалась домой и принималась за свою работу. По ночам Таня читала книжки, которые приносил ей брат; но днем никогда никто не видал ее за книжкой, и многие сомневались даже, умеет ли она читать; а нарумяненная чиновница, страстная охотница до романов, называла ее решительно безграмотной. Одевалась Таня чисто, но гораздо проще своих подруг и, несмотря на свою любовь к нарядам, отдавала почти все зарабатываемые ею деньги матери; иногда только оставляла себе безделицу на самые необходимые покупки. Далее набережной Васильевского острова Таня никогда не ходила, и Петербург по ту сторону Невы представлялся ей каким-то фантастическим городом, который возбуждал в ней и любопытство и боязнь. В особенности действовали на ее воображение рассказы ее брата о театральных представлениях. Петруша был страстный охотник до театров и непременно в месяц раз ходил в раек, добывая себе деньги для этого перепискою.

Матрена Васильевна очень сокрушалась о сыне. Его надо было определить на службу, а он все говорил: «Еще успею, маменька», – по целым дням сидел дома все за какими-то книжками или рыскал бог знает где и возвращался домой поздно, не заботясь о том, что мать и сестра не смыкали глаз до его возвращения.

– Бога ты не боишься, – говорила ему старушка, – ведь здесь долго ли до греха... здесь пустырь такой... тебя могут ограбить и убить. Разве не слыхал, что на прошедшей неделе нашли на Смоленском кладбище мертвое тело?.

Петруша обнимал и целовал мать, смеялся и говорил: «Что у меня взять-то, маменька? какой дурак станет на меня нападать?» – и в заключение успокаивал встревоженную мать клятвами, что вперед никогда не будет возвращаться так поздно.

Однако слово свое Петруша не всегда держал. Кроме вспыльчивости и беспечности, извинительной, впрочем, в восемнадцать лет, он никаких дурных наклонностей не обнаруживал...

Однажды рано утром старушка, надев свое парадное платье, которое было подарено ей ее мужем, когда он еще был женихом и которое она хранила, как драгоценность, в сундуке, отчего оно немного пахло затхлым, и свой лучший чепец с бантом наперед, по старинной моде, вышла из дому, никому не сказав, куда она отправляется в таком наряде. На вопрос дочери, надевавшей на нее салоп и укутывавшей ее горло шерстяным шарфом, Матрена Васильевна только улыбнулась и сказала приветливо: «Молода, хочешь все знать: скоро состареешься. После узнаешь, дурочка!» Старушка, выходявшая из своей Гавани редко, очутившись вдруг на Адмиралтейской площади, в первую минуту совсем потерялась от шума, грома и блеска.

Она у всех встречных спрашивала: «Позвольте спросить, батюшка, как мне пройти на Литейную улицу?» Некоторые проходили, не удостоив внимания ее вопрос, другие, более остроумные, указывали ей в противоположную от Литейной сторону; но, к ее счастью, ей попала старушонка салопница, останавливавшая прохожих с плачевной гримасой словами: «Помогите бедной, несчастной вдове с семерыми детьми. Два дня без куска хлеба. Вечно буду за вас богу молиться». Матрена Васильевна, добродушно тронутая этими словами, подумала: «Вот еще есть на свете и беднее нас; как же нам жаловаться и гневить бога?» – и заговорила с салопницей.

– Неужто у вас семеро детей? – И покачала с сочувствием головой.

– Семеро, семеро, матушка, мал мала меньше, – отвечала салопница, – два дня сидят голоднехоньки.

Матрена Васильевна вынула из своего ридикюля гривенник – у нее всего было три – и подала его салопнице. Салопница проводила ее до Литейной и болтала дорогой без умолку о своей крайности и о своих детях, которых в действительности у нее не было, и чуть не до слез растрогала старушку.

На Литейной жил начальник того департамента, в котором служил ее покойный муж. С трепетом сердца и с молитвою на губах Матрена Васильевна взялась за медную ручку подъезда, сверкавшую, как золото...

– В добрый час, в добрый час, – шептала она про себя. В подъезде остановил ее усатый унтер-офицер с медалями.

– Кого вам? – спросил он строго.

– Их превосходительства господина...

– Просительница, что ли? – перебил он еще строже.

– Да, батюшка, с просьбой к их превосходительству...

– Наверх, на правой стороне. Там скажут куда.

– Слушаю, батюшка, – и старушка, поклонись сторожу, с великим страхом начала подниматься по лестнице, боясь ступить на холст, которым был покрыт ковер, чтобы не оставить следа на холсте.

Лакей наверху, гордо осмотрев ее с ног до головы, ввел в комнату, где ждали уже два просителя, и, произнеся «здесь», вышел из комнаты. Старушка, несмотря на то, что едва держалась на ногах от такого длинного и непривычного для нее похода, не смела сесть и только по временам, вздыхая, произносила про себя: «Господи, боже мой! Ох, господи, господи!» Так прошло около часу. Наконец дверь из соседней комнаты растворилась, и в дверях показался господин средних лет, небольшого роста, с блестящим украшением на груди, с необыкновенно значительной и озабоченной физиономией, окинув орлиным взглядом из-под нависших бровей

присутствующих. Старушка как взглянула на него, так и обомлела. «Что я наделала, – подумала она, – никак, я не к тому попала». Начальник ее мужа был плешивый старичок. Она видела его только раз в жизни; но черты его сильно врезались ей в память. Ей никак не могло прийти в голову, чтобы он мог умереть или выйти в отставку и быть заменен другим. Правда, плешивый старичок, начальник ее мужа, жил не на Литейной, а в Шестилавочной, но она, получая адрес, думала, что он переменил квартиру. «К кому же я это попала? что я теперь буду делать? – продолжала думать она и в ту же минуту, как бы не веря глазам своим, спрашивала самое себя: – неужто ж это генерал, и такой молодой?» Между тем господин с украшением на груди подошел, с замечательным достоинством и ловкостью, к господину с украшением в петлице, с глубокомысленною снисходительностью выслушал его и произнес: «Все это мне очень хорошо известно, но...» Господин с украшением в петлице начал было что-то такое еще говорить; но господин с украшением на груди перебил его величавым жестом и произнес выразительно и громко, ударяя на некоторые слова:

– Теперь мне все это выслушивать некогда: меня ждет господин министр.

И с словом «министр» он посмотрел на свои карманные часы.

– Я не могу же для вас жертвовать временем, когда меня ждет министр. Вы понимаете?..

У старушки дух захлебнулся при этих словах. Господин с украшением в петлице низко и молча поклонился и вышел. Затем, бросив мимоходом два слова другому просителю и взглянув на него только одним глазом, генерал, шаркнув правой ногой с таким искусством, которое бы сделало честь любому танцмейстеру, остановил себя в двух шагах от старушки и несколько попятился назад туловищем, вполне обнаружив тем свою ловкость и прекрасные манеры (хотя их, правду сказать, обнаруживать было не перед кем, потому что старушка одна только оставалась в комнате), и произнес, повернув к ней свое правое ухо, назначенное для выслушивания просьб.

– Что вам угодно, сударыня?

Матрена Васильевна прерывающимся и дрожащим голосом, нескладно и длинно начала объяснять, что муж ее служил в департаменте тридцать пять лет сряду, что он пользовался милостями его превосходительства Ивана Кузьмича...

– Моего предместника? – бегло заметил начальник, – но... – на этом «но» он сделал значительное ударение и опять несколько попятился назад туловищем, взглянув на старушку с некоторым, впрочем, благосклонным, нетерпением, выразив голосом участие, а своей позой неизмеримую разницу, которая разделяла его от нее. – Но позвольте просить вас изложить вашу просьбу как можно кратче, потому что я не могу терять времени: меня ожидает господин министр... В чем она состоит?

Матрена Васильевна объявила, что она нижайше просит об определении своего сына, кончившего курс в гимназии, на службу в тот департамент, где служил его отец.

– А! – воскликнул начальник. – Очень хорошо-с... но изволите видеть, сударыня, вакансий теперь нет. Он может быть покуда определен только без жалованья; а там мы увидим, испытаем его, и тогда можно будет назначить ему жалованье по мере его способностей и усердия к службе... Пришлите его ко мне.

Затем он, взглянув левым глазом на просительницу, с полуулыбкою наклонил голову несколько в правый бок и крикнул: «Карету!» Лакеи засуетились, курьер побежал по лестнице с портфелем вперед, а за ним величественно последовал начальник.

Старушка, следуя за ним, не спускала с него глаз и видела, как он сел в карету, поддерживаемый с одной стороны лакеем, а с другой курьером. Генерал даже удостоил бросить на нее взгляд из кареты, когда она стояла на тротуаре и низко кланялась ему.

Господин с блестящим украшением на груди, несмотря на гордые и величественные манеры, имел доброе сердце, которое смягчалось в особенности, когда он замечал в своих подчиненных или просителях некоторый трепет и удивление, справедливо возбуждаемые его

званием и его величественными манерами. Злые языки и господа, расположенные к иронии, уверяли, что будто он воображает о себе бог знает что, людей низших чинов даже не считает людьми, учится перед зеркалом своим позам и орлиным взглядам, бьется из одного эффекта и пускает пыль в глаза даже перед такими ничтожными старушками из Галерной гавани, как Матрена Васильевна, в непрестанном беспокойстве не уронить своего достоинства; но мало ли чего не говорят. Конечно, он не имел, может быть, той «неизменной кротости и неутомимой вежливости – верного свидетельства уважения человека к достоинству человеческому в себе и в других, и, наконец, той неистощимой любви к людям-братьям, какой бы ни были они крови, на какой бы степени развития ни стояли», как тот английский государственный муж, на которого обратила справедливое внимание «Русская беседа»;¹ но такие государственные люди во всех странах бывают редки, и ставить на одну доску какого-нибудь лорда Меткальфа с государственным лицом, к которому приходила с просьбой Матрена Васильевна, было бы, без всякого сомнения, несправедливо...

По крайней мере Матрена Васильевна была от него в восторге и, возвратись домой с торжеством, сообщила подробности своего посещения сыну и дочери, не могла наговориться о добрейшем и вежливом генерале, который называл ее сударыней, и не могла надивиться молодости его лет. По мнению старушки, умнее, значительнее, важнее и красивее не было генерала на свете.

Петруша, действительно, был определен добрым генералом в департамент без жалованья и начал совершать ежедневные путешествия из Галерной гавани на Фонтанку.

Вскоре после этого одна довольно значительная дама старая благодетельница Матрены Васильевны, к которой она ходила на поклон раз в год, рекомендовала Таню, как хорошую швею, другой значительной даме, так что Таня получила большую работу и за довольно выгодную цену.

Старушка никогда еще не была так счастлива и спокойна после смерти мужа...

Раз, когда Таня, по своему обыкновению, сидела у окна за работой, а Матрена Васильевна вязала носки для сына (Петруша был в должности), у их домика остановились блестящие дрожки, запряженные серою лошадью с яблоками. На этих дрожках сидел очень красивый и молодой господин, щегольски одетый, и кричал: «Эй, дворник, дворник!» Но так как дворников в Галерной гавани нет, то крики этого господина оставались безответными; только на этот крик повысунулись с удивлением из окон в соседних домах мужские и женские головы, а на улицу сбежались толпою ребятишки, и обступили блестящие дрожки щегольски одетого господина, разинув рты от удивления при виде необыкновенного для них зрелища...

– Где дом Савелова? – крикнул на ребятишек щегольски одетый господин с нетерпением и досадой...

Они молчали, неподвижно выпучив на него глаза; а те, которые стояли поближе к дрожкам, испуганные его сердитым голосом, отбежали подальше и начали смотреть на него издалека.

Когда господин повторил свой вопрос, Таня на его крики отворила окно и, высунувшись в него, отвечала:

– Кого вам угодно? Савелова дом здесь.

Господин щеголеватой наружности, услышав тонкий и звучный голос девушки и увидев в окне хорошенькое личико, мгновенно сгладил морщины с своего лица, соскочил с дрожек, принял очень красивую позу и ловко приложил руку к шляпе.

– Извините, – сказал он, – не знаете ли вы, где живет вдова чиновника... – он назвал их фамилию.

Таня отвечала, что здесь.

¹ См. «Русскую беседу», книга П. Биография, стр. 80

– Покорно вас благодарю. Вы позволите к вам взойти?

И после этих вопросов обернулся к своему кучеру.

– Черт знает, – сказал он ему вполголоса, – куда это мы заехали! Посмотри, не сломались ли дрожки... Здесь невозможно ездить... это ни на что не похоже... это не улицы, а я не знаю что такое... Ты выезжай потихоньку и осторожнее на Большой проспект и там меня дожидайся.

И с этим словом он наклонился и вошел в калитку дома.

На крыльце встретила его несколько встревоженная и удивленная старушка, сзади которой стояла дочь.

– Извините, что я вас беспокою, – начал щеголеватый господин, приподняв слегка шляпу и обращаясь к Матрене Васильевне, – в вас принимает участие одна дама, и я, по ее просьбе, приехал к вам, чтобы узнать о вашем положении...

– Ах, это, верно, моя благотельница, ее превосходительство Анна Ивановна! – воскликнула старушка, – дай ей бог здоровья, она не оставляет нас своими милостями... и Танюшу мою не забывает...

Старушка повернула голову к дочери.

– Это ваша дочь? – спросил щеголеватый господин, устремив на Таню внимательный и долгий взгляд, который, казалось, хотел проникнуть в самую глубину ее сердца.

О таких взглядах Таня не имела никакого понятия, и потому ей стало как-то неловко. Она вся вспыхнула и потупила глаза.

Щеголеватый господин поклонился ей.

– Да пожалуйста, батюшка к нам в комнату, – говорила старушка, – милости просим, батюшка...

Щеголеватый благотворитель (потому что это, действительно, был благотворитель) пошел вслед за старушкой, устремив мимоходом на Таню еще более пронзительный и эффектный взгляд.

Старушка привела его в комнату и, усадив на стул, остановилась перед ним; но благотворитель вскочил с своего стула с утонченной вежливостью и усадил ее в свою очередь. Таня села к окну за свое шитье. Когда все уселись, наступила минута молчания.

Благотворитель принял живописную позу, снял перчатку с руки, обнаружил белую, точно выточенную из слоновой кости руку, с розовыми, искусно обточенными ногтями, сверкнул перед этими бедными людьми целую массу дорогих колец на одном из своих пальцев и выставил свою маленькую ногу в блестящих сапогах напоказ...

Я знал благотворителя довольно близко. Он был человек превосходный и добрейший, но имел небольшую слабость, если только это можно назвать слабостью, рисоваться перед женщинами, особенно перед хорошенькими, и показывать, как говорится, свой товар лицом. Он был убежден, и не без основания, что каждая женщина при взгляде на него не может оставаться равнодушной, и любил, иногда даже без особенной цели, смущать женские сердца. И потому за достоверность всего того, что он проделывал перед Таней, я ручаюсь.

После минуты молчания щеголеватый благодетель произнес, осматривая комнату:

– Какой у вас порядок, какая чистота! это приятно видеть... Это делает вам честь...

Вы меня извините, если я попрошу вас сообщить мне некоторые подробности о вашей жизни...

Старушка откровенно и просто рассказала ему все и в заключение прибавила, что ее Таня занимается теперь шитьем для генеральши N.

Благотворитель выслушал ее очень внимательно и серьезно, при слове «пенсия» заметил, надвинув немного брови: «А! так вы получаете пенсию!» – а при имени генеральши N. выразил свое изумление вопросительным взглядом, устремленным на Таню, и вскрикнул, как будто обрадовавшись чему-то:

– В самом деле? – и с приятнейшею улыбкою прибавил более тихим голосом, – я очень рад – это моя матушка... я этого совсем не знал... – Потом он задумался и спросил: – так вы, стало быть, не имеете никаких других средств к существованию?

– Какие же другие средства, батюшка! нет, – отвечала старушка, – кроме этого маленького пенсионера, ничего; да вот еще моя кормилица, – она указала на дочь... – Сын, слава богу, определился на службу, да еще жалованья не получает; а она, моя голубушка, вот как видите, целый день сидит и головы от работы не отнимает.

Благотворитель встал, подошел с большою грациею к Тане и произнес с большим участием:

– Матушке моей совсем не нужны эти вещи к спеху. Я могу вас уверить. А вам так много заниматься нехорошо: это может повредить вашему здоровью...

Таня покраснела и отвечала:

– Ничего-с: я к этому привыкла.

– Неужели, – продолжал он, – вы все сидите дома, не имеете никаких развлечений?

– Да какие же я могу иметь развлечения? – спросила она, не отнимая головы от шитья...

– Например, театры?..

Но на этом слове щеголеватый благотворитель споткнулся, как будто почувствовав, что произнес глупость.

– Или какие-нибудь другие развлечения, – добавил он.

– Я никогда не была в театре, – сказала Таня, улыбаясь, – да и на той стороне я никогда тоже не бывала...

– Это, однако, ужасно! – воскликнул благотворитель, пожав плечами...

Затем он обратился к старушке и, повторив, что в ее положении принимает участие дама, имени которой он не имеет права назвать, заметил, несколько смешавшись, что он, с своей стороны, постарается быть ей полезным. Старушка кланялась и благодарила. Уходя, благотворитель заметил ей, что жить так далеко от центра города и в такой глуши неудобно и что она могла бы приискать небольшую квартирку за дешевую цену на той стороне города, на что Матрена Васильевна отвечала, что они уж привыкли к своей Гавани, что здесь жили ихние родители, здесь она родилась и замуж вышла, здесь похоронен ее муж и здесь она хочет положить свои кости.

Затем благотворитель с восклицанием: «А!» – очень ловко раскланялся и, уходя, бросил еще раз взгляд на Таню. Перешагнув за калитку, он подумал: «Однако какая хорошенькая – и где же? в Галерной гавани... и какое симпатическое личико!» – и обернулся на окно... Он был очень доволен, увидев высунувшееся из окна личико Тани, и, встретясь с ней глазами, снял шляпу, но Таня, заметив, что он ее увидел, быстро скрылась, не выдав этого поклона.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.